

Примечания

¹ Наименование этого края Австрии является калькой с нем. *Burgenland*.

² *Ivanović N. Uzlop. Hrvatsko selo u Gradišću — Austrija. Omiš, 1981.*

³ *Sučić R. Narodni običaji // Povijest i kultura gradišćanskih Hrvata. Zagreb, 1995. S. 315–333.*

⁴ *Neweklowsky G., Gaál K. Kroatische Märchen und Totenklagen aus Stinatz im Burgenland. Zagreb, 1991.*

⁵ *Neweklowsky G. Die sprache der Burgenländer Kroaten = Jezik gradišćanskih Hrvatov. Trajštof / Trausdorf, 2010. (Gradišćanskohrvatske studije; 7). S. 264.*

⁶ Этот текст о таскании по селу большого корыта, сделанного для водооя коров, неженатыми парнями представляет собой часть из рукописи «Народные обычаи из Филежа» (1999 г.) самого автора, подробнее см.: *Плотникова А. А. Историческое и мифологическое пространство: славяне в этнокультурном окружении // ЖС. 2008. № 2. С. 31.*

⁷ Ср. *štarka* 'старая овца, которая перестала плодиться' (о. Пар), см.: *Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1973. T. 3. S. 415.*

⁸ Градище, протянувшееся узкой полосой на австрийско-венгерском пограничье, условно делят на три части: Северное, Среднее и Южное. В северной части проживают «хаты» и «поляндцы», в средней — «долинцы», в южной — «влахи» и «штои». Большая часть градишанских хорватов использует чакавский диалект («хаты», «поляндцы», «долинцы»); немалый массив хорватских сел в южной части Бургенланда, называемых «штои» (а также находящиеся чуть севернее «влахи»), говорит на штокавском наречии, причем на самом юге этого массива сел располагается семь так называемых южночакавских сел, использующих чакавский диалект, как и большинство градишанских хорватов.

⁹ Об обычае *za vrtanj prosit; vrtanj dostat* см. также: *Плотникова А. А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016. С. 137–138.*

¹⁰ Исключение составляют небольшие тексты о праздновании Масленицы и поверьях при беременности из села Сабара, а также отдельные упоминания села Бандол, например, при описании обычаев на Юрьев день.

¹¹ Видимо, в связи с концепцией автора описать как можно больше обычаев и ве-

рований хорватов вне границ современной Хорватии в книгу попали некоторые материалы и о хорватах Южной Венгрии (например, из Мохача, окрестностей Печи), и о хорватах-карашешанах Румынии.

¹² *Gavazzi M. Godina dana hrvatskih narodnih običaja. Zagreb, 1988.*

¹³ Соответственно в разделе «Источники» указываются две книги Ф. Симона о сельской архитектуре градишанских хорватов: *Simon F. Bäuerliche Bauten im Südburgenland. Oberschützen, 1971; Simon F. Bäuerliche Bauten und Geräte, Südburgenland und Grenzgebiete. Oberschützen, 1981.*

А. А. Плотникова,
доктор филол. наук, Ин-т
славяноведения РАН (Москва)

Авторская работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ по проекту 14-04-00592 («Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика»).

ИЗ НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО СЛОВЕНСКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

N. Gliha Komac. Ljudska religioznost v Kanalski dolini. O umiti in v prt zaviti lobanji. — Ljubljana: Založba ZRC, 2014. — 111 s. — (Studia mythologica Slavica — Supplementa; Supplementum 9).

Книга Наташи Глиха-Комац «Народная религиозность в Канальской долине. Об обычае обмывания и заворачивания в полотно черепов» включает краткий очерк народного календаря словенцев Канальской долины (Италия), а также описание сохранявшегося в нескольких словенских селах до недавнего времени архаического обычая при захоронении покойника в старую могилу вынимать из могилы череп от прежнего захоронения, обмывать его, заворачивать в полотно и укладывать на гроб вновь погребаемого. Главная ценность этой небольшой работы в том, что автор не просто суммирует данные многочисленных опубликованных источников¹, но проверяет и дополняет их собственными полевыми наблюдениями и записями. Н. Глиха-Комац работала в трех селах Канальской долины сначала в конце 1990-х гг. (тогда она собирала материал для своей дипломной работы, защищенной в 1998 г.), а потом при подготовке книги к изданию в 2013 г. Сопоставление этих разновременных данных позволяет проследить динамику традиции, степень ее сохранности. Ведь речь идет о традиционной культуре словенцев, проживающих на протяжении

веков в иноязыковом и иноэтничном окружении. Присутствие славянского элемента датируется здесь начиная с VI в. Канальская долина в настоящее время — это область Северной Италии на границе трех государств — Италии, Словении и Австрии, где население говорит на четырех языках — итальянском, немецком, фриульском (романском) и словенском. Число говорящих на местном диалекте словенского языка невелико, еще меньше тех, кто владеет также и литературным словенским языком. Но и такое состояние словенского языкового и культурного элемента — результат специальных усилий по поддержке национальных меньшинств и малых языков Италии (закон Республики Италии 1999 г.). Основное славянское население Канальской долины сосредоточено в селах Жабнице, Укве и Овчья вас (Овечья деревня), где и проводились полевые исследования.

Календарная обрядность обследованных сел сохраняет многие черты, общие для южных славян. До сих пор практикуется масленичное ряжение (*pustne norčije*), когда группы молодых людей в масках, с гармоникой и колокольцами ходят по домам и получают в подарок пончики; иногда они волокут за собой «колодку»

(*pluh* — большой кусок железа или дерева), предназначенную для тех, кому в этом году предстоит вступить в брак — для холостяков и старых дев. В начале Великого поста, в Пепельную среду, в Жабницах исполняется обряд «похорон Масленицы» (*pokoravanje pusta*): куклы, одетую в лохмотья и обутую в ботинки, кладут на деревянные носилки и с музыкой (бубны, гармонь и др.) проносят по селу до ручейка Бела (Fella), где ее поджигают и бросают в воду. Процессию составляют ряженные персонажи: веселая вдова, пономарь, епископ, который благословляет действо, монашки и другие лица, все в черном, все причитают. В Вербное воскресенье (*Svetna nedelja*) изготавливают «пальму» (*prajtelj*), которую благословляют в церкви и затем втыкают под крышу дома как средство защиты; ее было принято класть на порог дома и переступить через нее, когда кто-то из домашних возвращался домой, когда вносили в дом новорожденного, когда в дом входила невеста после венчания, когда из дома выносили покойника; «пальму» поджигали для защиты от непогоды. На Страстной неделе группы молодежи совершают обходы села с трещотками и хлопучками, изображая светопреставление после смерти Иисуса. В Великую субботу готовят кулич, мясо и красят яйца, носят всё это освящать в церковь. В понедельник молодежь прежде устраивала состязание с «разбиванием яиц» (*tručanje ajc*).

В конце мая и 13 сентября происходят богородичные процессии (*Marijina procesija*) молодых людей и девушек, которые проносят по селу статую Девы Марии; совершаются также процессии на Троицу (*binkoštna procesija*) и в праздник

Божьего Тела (*telovska procesija*), а также в храмовые праздники. В первую неделю мая или на праздник Божьего Тела молодые ставят высокий *май*, украшенный ветками, гирляндами и цветами; девушки, достигшие 18-летнего возраста, вешают на *май* венки из зелени и цветов, полностью покрывая ствол дерева, и поливают его вином. В день св. Флориана (4 мая) по селам ходят отряды пожарных, одетых в свои мундиры и несущих свое знамя. Дохристианский обычай бросания горящих прутьев в Иванов день (23 июня — *Kres*) до недавнего времени еще был известен: за церковью разводили костер, в огне поджигали буковые или ясеневые прутья и под колокольный звон начинали метать их со специально сооруженного возвышения; прутья должны были лететь горизонтально, и собравшиеся следили, чей прут пуцен лучше. При этом первая горящая «стрела» пускала в честь св. Иоанна Крестителя.

В селах Канальской долины сохраняется вера в приход умерших в осенние поминальные дни 1 и 2 ноября. В эти дни не гасят свет, веря, что мертвые души приходят домой греться. В Уквах считают, что покойники прячутся в избе под лавками. На кладбище священник освящает все могилы; могилы украшают цветами и зажигают на них свечи. Из зимнего цикла праздников отмечается день св. Николая (*Sv. Miklavž*, 5–6 декабря), который приносит детям подарки; в канун дня св. Николая по селам ходят процессии молодежи; сохраняется обычай семейного пения рождественских колядок под елкой, хотя самого колядования уже нет. В Уквах 27 декабря три молодых человека совершают обходы домов с веткой можжевельника (*brina*), символизирующего вечную жизнь. Они же ходят на Новый год с поздравлениями по конторам и трактирам, где получают вознаграждение. 5 января вечером (*Pehtrin večer*) парни берут коровьи колокольцы из-под праздничного стола и звонят в них вокруг дома, отгоняя Перхту² — мифологический персонаж, водительницу душ умерших, особенно душ умерших детей. Перхту ведут к мосту, по которому она, как считается, пришла в село, и с шумом изгоняют ее. В праздник Трех королей (6 января) четверо детей в нарядах королей и ангела ходят по селу и поют колядки по-словенски и по-итальянски.

Из семейных обрядов в книге описан в общем виде только погребальный обряд, поскольку он непосредственно связан с ритуалом почитания черепа умерших. Хотя похоронный ритуал носит сугубо церковный характер, в нем сохраняются некоторые элементы защитной магии. Так, полотно, на котором лежал в доме покойник, должен снять тот, кто выносит умершего из дома, — чтобы смерть не постигла снова жильцов этого дома. Считалось, что покойник должен лежать в доме не менее 24 часов, чтобы

можно было убедиться, что он действительно умер; для верности ему втыкали под ногти иголку. В селе Овчья вас было принято караулить умершего две ночи. Вплоть до 1990-х гг. молились при этом только по-словенски.

Отличительной особенностью погребального обряда в Канальской долине является сохранявшийся до конца XX в. обычай обмывания и заворачивания в полотно черепа прежде захороненного покойника. Впервые этот обычай засвидетельствовал в своих полевых записях начала 1950-х гг. М. Матичетов, затем о нем писали Э. Гаспарини и другие исследователи³. Он представляет собой, по существу, особую разновидность балканского ритуала, который принято называть «вторичным погребением». Этот ритуал совершается при захоронении умершего в могилу, где раньше были похоронены другие члены семейного клана, и состоит в том, что найденные при рытье могилы останки собирают, тщательно обмывают священной водой или вином, заворачивают в полотно и перед новым погребением совершают над ними еще один обряд погребения, после чего их возвращают в могилу (часто их перед этим носят в церковь, а иногда и оставляют в церкви). В некоторых балканских регионах раскапывание могилы совершается независимо от нового погребения — спустя определенное время после смерти (3 года, 7 лет, 18 лет и т.п.). В отдельных локальных традициях оно производится с другой целью — не для того, чтобы почтить умерших предков, а для того, чтобы убедиться, что захороненный не был вампиром (в противном случае его труп не подвергся бы разложению)⁴.

Словенский ритуал связан исключительно с культом предков и желанием потомков отдать им последние почести. В селах Канальской долины он был известен в целом в том же виде, что и в других районах проживания словенцев к северо-западу от Любляны, описанном в работе М. Матичетова. Н. Глиха-Комац при полевой работе в селах Канальской долины воспользовалась подробным вопросником, составленным М. Матичетовым, но добавила к нему несколько дополнительных вопросов, уточняющих сведения об изучаемом обычае. Так, например, она включила вопрос о времени исполнения ритуала, и оказалось, что в селе Укве раскапывали могилы предков каждые 7 лет, а в селе Овчья вас не хоронили в семейную могилу, если со времени последнего захоронения не прошло 20 лет. Со времен Марии Терезии, т.е. с середины XIX в., раскапывание могил разрешено законом, но запрещается это делать более трех раз.

В 2013 г. исследовательница сделала видеозаписи интервью с информантами, участвовавшими в ритуале или помнившими подробности о нем. По ее сведениям, информанты избегали определять этот ритуал «научно» — как обмывание

и заворачивание черепа в полотно, а обозначали его местоимением «это». Раскапывал могилу и совершал ритуал с черепом (старательно очищал, обмывал священной водой и заворачивал в полотно) обычно ближайший родственник-потомок. Завернутый череп клали на гроб. Очень показательны свидетельства о том, зачем это делалось: «чтобы душа упокоилась», «чтобы отдать сыновний долг отцу или матери», «чтобы череп не замерз»; если бы череп не «умыли», земля не приняла бы нового покойника, покойник пришел бы пугать и т.п. Сведения об участии в обряде духовных лиц расходятся: в одних случаях это участие отрицается, в других (например, в селе Овчья вас) сообщается, что священник присутствовал все время и благословлял череп, но при этом не молился.

Взключениям к книге делаются выводы не только об общем состоянии традиционной обрядности исследуемых сел, но и о ее социологических аспектах, а также о типе народной религиозности с характерным для нее соединением церковного и народного элементов. Книга Н. Глиха-Комац вносит свой несомненный вклад в изучение архаического балканского обычая вторичного погребения, проясняя судьбу его словенской разновидности.

Примечания

¹ Материал по обследованным автором книги селам можно найти в следующих публикациях: *Kuret N. Praznično leto Slovencev*. Ljubljana, 1989. Knj. 1–2; *Dolhar V. Kanalska dolina in slovenska kultura*. Trst, 1999; *Slovenske ljudske pesmi Koroške / Ur. Z. Kumer*. 1: Kanalska dolina. Trst; Celovec, 1986; *Minnich R. G. Govoriti slovensko — biti Slovenec: primerjava mad vlogami slovenskih verbalnih kod kot nosilk identitete v Kanalski dolini*. Trst, 1988 и др.

² См.: *Валенцова М. М. Перхта // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 18–20.*

³ См.: *Matičeto M. Umita in v prt zavita lobanja pri Slovencih // Slovenski etnograf*. 8. Ljubljana, 1955. S. 231–254; *Gasparini E. Sulla forma della «dopia sepoltura» presso gli Slavi meridionali = O obliki «dvojnega pokopa» pri južnih Slovanih // Slovenski etnograf*. 8. Ljubljana, 1955. S. 225–230; *Maister H. O umiti in v prt zaviti lobanji pri Koroških Slovencih // Traditiones*. 4. Ljubljana, 1975. S. 238–247.

⁴ Подробнее см.: *Толстая С. М. Балканский обычай «вторичного погребения» в общеславянской перспективе // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте. М., 1999. С. 249–257.*

С. М. Толстая,
доктор филол. наук, Ин-т
славяноведения РАН (Москва)

Работа выполнена в рамках проекта «Образ человека в языке и культуре славян» (РГНФ №16–04–00101).